

**РЕФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА РЕГУЛИРОВАНИЯ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ СУПРУГАМИ:
ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ ИЛИ УСИЛЕНИЕ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ НАЧАЛ?**

Замрий О. Н.

*кандидат юридических наук; доцент кафедры судебной власти и
правоохранительной деятельности Тверского государственного университета, ул.
Желябова, д. 33, 170100, Тверь, zamriy.on@tversu.ru*

В статье анализируются положения законопроекта о внесении изменений в Семейный кодекс РФ, предполагающих смещение акцентов в механизме регулирования имущественных отношений между супругами. Автор предполагает, что обозначенные новшества направлены на стирание границ самостоятельности семейного права как отрасли права и усиление гражданско-правовых начал.

Ключевые слова: гражданское законодательство; семейное законодательство; имущественные отношения супругов; общая совместная собственность супругов; корпоративные права; обязательства супругов.

**REFORMING THE MECHANISM FOR
REGULATING PROPERTY RELATIONS BETWEEN SPOUSES:
SEARCHING FOR A BALANCE OF INTERESTS OR
STRENGTHENING CIVIL-LEGAL BEGINNINGS?**

Zamriy O.

*PhD in Law, Associate Professor at the Department of civil procedure and law
enforcement, Tver state University, ul. Zhelyabova, d. 33, 170100,
Tver, zamriy.on@tversu.ru*

The article analyzes the provisions of the draft law on amendments to the Family Code of the Russian Federation, implying a shift in emphasis in the mechanism for regulating property relations between spouses. The author assumes that the indicated innovations are aimed at erasing the boundaries of independence of family law as a branch of law and strengthening civil law principles.

Keywords: civil legislation; family law; property relations of spouses; common joint property of the spouses; corporate rights; the obligations of the spouses.

Имущественные отношения, возникающие между супругами, традиционно подвергаются воздействию со стороны норм как Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), так и Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ). Тому есть и

вполне объективное обоснование, поскольку предмет регулирования каждого из указанных кодексов включает имущественные отношения.

Так, в п. 1 ст. 2 ГК РФ упомянуты «..., а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников», в ст. 2 СК РФ отмечено, что семейное законодательство среди прочего «регулирует личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи», к числу которых законодатель относит и супругов.

В то же время нельзя оставить без внимания, что речь не идет о «механическом» включении имущественных отношений между членами семьи, том числе и между супругами, в сферу гражданско-правового и семейно-правового регулирования одновременно. Применительно к перспективе применения норм гражданского законодательства необходимо указать на наличие таких признаков как равенство, автономия воли и имущественная самостоятельность субъектов, в рамках настоящего исследования – супругов. Что же касается положений семейного законодательства, то приоритет личных неимущественных отношений в структуре предмета правового регулирования уже общепризнан, в связи с чем аксиоматичен тезис об особом правовом состоянии участников имущественных отношений – состоянии супружества.

Итак, на сегодняшний день имущественные отношения между супругами регулируются ст. 256 ГК РФ и главами 7-9 СК РФ, при этом традиционно разграничение законного и договорного режимов имущества супругов.

Безусловно, отечественный законодатель стоит на страже сохранения традиционных семейных ценностей, в связи с чем имущественные отношения между так называемыми фактическими супругами подлежат регулированию исключительно нормами ГК РФ.

Заметим, что распространенный некоторое время назад вариант выбора способа охраны имущественных интересов фактических супругов в виде установления режима долевой собственности применяется все реже и реже. И связано это во многом с отдаленной перспективой, в частности, возможностью отчуждения имущества, принадлежащего по праву долевой собственности (ст. 250 ГК РФ), раздела имущества, находящегося в общей долевой собственности (ст. 252 ГК РФ).

В настоящее время фактические супруги, пытаясь защитить свои имущественные права, предъявляют иск о признании права собственности на имущество, приобретенное ими в период совместного

проживания, либо о возврате сожителем соответствующих денежных средств как неосновательного обогащения. Справедливости ради отметим, что суды всех инстанций отказывают в удовлетворении подобных исков.

Суд исходит из факта отсутствия не только супружеских отношений, но и гражданско-правовых оснований для удовлетворения заявленных требований. Так, например, С. Максимов проживал с Н. Лимоновой, которые в период совместного проживания решили построить жилой дом. Участок приобрела Н. Лимонова за 2,7 млн рублей, Максимов же потратил на строительство и обустройство этого дома 9,4 млн рублей. После прекращения фактических брачных отношений мужчина обратился в суд с иском о признании права собственности на построенный дом, однако в удовлетворении иска ему было отказано, так как отсутствует какое-либо соглашение об общей собственности (Чеховский городской суд Московской области, решение по делу № 2-146/2019). После этого С. Максимов предъявил к бывшей сожительнице иск о возврате неосновательного обогащения в размере 6 млн рублей, однако и это требование было отклонено Гагаринским районным судом г. Москвы, суд апелляционной инстанции был солидарен в этом, Судебная коллегия Верховного суда РФ подтвердила позицию нижестоящих судов (Определение ВС от 16 июня 2020 года № 5-КГ20-29). В качестве обоснования отказа было указано на отсутствие каких-либо обязательств при предоставлении истцом средств на строительство и обустройство дома, С. Максимов предоставлял их добровольно и без расчета на встречное предоставление, что исключает неосновательное обогащение Н. Лимоновой.

Заметим, что в науке семейного права и правоприменительной практике предлагается и обосновывается вариант заключения в подобной ситуации договора о простом товариществе, который действительно может быть применен к отношениям между фактическими супругами [1, с. 13].

Так или иначе реалии современной действительности вызывают необходимость применения норм гражданского законодательства с целью обеспечения имущественных прав и интересов лиц, состоящих в фактических брачных отношениях.

В то же время нельзя оставить без внимания и тот факт, что имущественные отношения между супругами все чаще и чаще нуждаются в гражданско-правовом регулировании: активно развивается сфера корпоративных отношений с участием супругов, совершенствуются виды и формы предпринимательской деятельности, как совместной, так и индивидуально каждого из супругов,

формируются новые тренды в попытках регулирования наследственных отношений при заключении совместного завещания супругов, наследственного договора, создании наследственного фонда, весьма актуальны проблемы, связанные с банкротством супруга (бывшего супруга), а также совместным банкротством супругов.

Так или иначе, но четкая грань, свидетельствующая об автономности семейно-правовых и гражданско-правовых начал в механизме правового регулирования имущественных отношений между супругами, стирается. Имущественные права и интересы супругов, пожалуй, уже в равной степени обеспечиваются нормами и гражданского, и семейного законодательства. В связи с чем в каждой конкретной ситуации необходимо следовать принципу, установленному в ст. 4 СК РФ: «К названным в статье 2 настоящего Кодекса имущественным и личным неимущественным отношениям между членами семьи, не урегулированным семейным законодательством (статья 3 настоящего Кодекса), применяется гражданское законодательство постольку, поскольку это не противоречит существу семейных отношений».

Таким образом, все-таки именно личные неимущественные отношения между супругами, определяющие существо данной сферы семейных отношений, выступают своеобразным критерием, обосновывающим допустимость применения гражданского законодательства и только к тем отношениям, которые не урегулированы нормами СК РФ.

Отметим, что реформирование отечественного законодательства, подлежащего применению при регулировании имущественных отношений между супругами, весьма активно проводится в течение последних двух лет: с 1 июня 2019 года вступила в силу новая редакция ст. 256 ГК РФ, многих статей части третьей ГК РФ.

Меняется и позиция правоприменителя. Так, в Обзоре судебной практики ВС РФ № 1 за 2016 год Президиум ВС РФ четко обозначил свою позицию, указав, что при рассмотрении споров о разделе долгов бывших супругов, заключивших договор займа, кредита либо совершивших иную сделку, которая влечет возникновение долговых обязательств, применяется положение абз. 1 п. 2 ст. 45 СК РФ.

Специальные разъяснения относительно особенностей распределения общих долговых обязательств супругов Пленум ВС РФ дает в постановлении от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан».

Анализ материалов судебной практики позволяет утверждать о наличии объективных оснований для совершенствования механизма правового регулирования имущественных отношений между супругами, вопрос лишь в том, нормы гражданского либо семейного законодательства в большей степени должны быть подвергнуты воздействию, либо необходим комплексный подход при внесении изменений и дополнений в устоявшиеся конструкции законного и договорного режимов имущества супругов, что обеспечило бы впоследствии баланс не только интересов супругов, но и двух самостоятельных отраслей цивилистики.

17 июля 2020 года на заседании Государственной Думы СФ РФ был одобрен в первом чтении законопроект, содержащий ряд новелл в сфере имущественных отношений между супругами.

Данный законопроект предполагает внесение изменений в отдельные законодательные акты, в значительной части это касается положений глав 7-9 СК РФ.

Как заявляет один из авторов законопроекта П. Крашенинников, прежде всего необходимо привести ст. 34 СК РФ в соответствие с положениями ГК РФ в части определения состава общего имущества супругов как единого имущественного комплекса, а не «набора отдельных объектов».

Заметим несмотря на то, что в действующей редакции наименование указанной статьи звучит как «Совместная собственность супругов», в п. 2 ст. 38 понятие «общее имущество супругов» уже присутствует. Согласимся, авторы законопроекта абсолютно правы, предлагая в наименовании ст. 34 СК РФ обозначить именно состав имущества, которое является общим имуществом супругов, а не только один из видов общей совместной собственности, которые предусмотрены ст.ст. 244, 256 ГК РФ. Кстати, такой подход прослеживается и в предложении по изменению редакции п. 4 ст. 38 СК РФ: слова «собственностью каждого из них» вполне логично заменить словами «принадлежащим каждому из них».

В то же время в ст. 34 СК РФ не предполагается непосредственно указание на аналогию с имущественным комплексом как объектом гражданских прав. Разработчики законопроекта исходят из того, что общее имущество супругов должно быть едино, особенно при рассмотрении требований о разделе общего имущества супругов. Именно в связи с этим предлагается в п. 2 ст. 34 СК РФ указать, что в составе общего имущества супругов учитываются их общие обязательства (п. 2 ст. 45 СК РФ). Согласимся, существующая в настоящее время проблема разграничения личных и общих обязательств

супругов, особенно долговых обязательств во многом обусловлена отсутствием четкой позиции законодателя.

На наш взгляд, совершенно справедливо в проекте исключено существующее сейчас в п. 2 ст. 34 СК РФ указание на то, что имущество приобретено за счет общих доходов супругов. Как правило, именно установление источника средств вызывает массу сложностей и дополнительных вопросов при рассмотрении судами требований супругов о разделе имущества, находящегося в их общей совместной собственности. Хотя при этом сохраняется признак, неоднократно подлежащий критике в научных публикациях, «любое другое нажитое супругами в период брака имущество». Согласимся, использование в одной фразе словосочетания «нажитое в период брака» и понятия «супругами» некорректно, поскольку одно предполагает другое.

Обозначенный ранее принцип единства общего имуществу супругов прослеживается и в предложениях по изменению редакции ст. 38 СК РФ. В частности, в п. 2 данной статьи акцентов станут фразы «Всё нажитое супругами в период брака общее имущество», «... размер доли супругов во всём их общем имуществе».

Регламентируя возможность раздела общего имущества супругов в судебном порядке, законопроект предусматривает новую редакцию п. 3 ст. 38 СК РФ, где тоже подчеркивается единство общего имущества супругов: «Судебный акт о разделе общего имущества супругов должен устанавливать в соответствии со статьей 39 настоящего Кодекса размер доли супругов во всём их общем имуществе...».

Безусловно, абсолютно неприемлемым следует признать существующий на сегодняшний день порядок обращения взыскания на имущество супруга-должника при признании его банкротом, поскольку имущественные права и интересы супруга должника фактически ничем не обеспечены.

С целью обеспечения баланса интересов супруга должника и кредиторов при обращении взыскания на имущество банкрота разработчики законопроекта вполне обоснованно предлагают новую редакцию ч. 7 ст. 213.26 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривающую применение правил раздела общего имущества супругов, предусмотренных семейным законодательством, при отсутствии соглашения супругов. Заметим, что анализируемый законопроект предполагает также регламентацию совместного банкротства супругов (бывших супругов).

Примечательно, что авторы законопроекта предлагают внести изменения в механизм регулирования не только так называемого законного, но и договорного режима имущества супругов.

Действительно, брачный договор представляет собой конструкцию, используя которую супруги определенным образом могут определить гарантии защиты своих имущественных прав и интересов.

В настоящее время п. 3 ст. 42 СК РФ предусматривает, что брачный договор, наряду с другими указанными условиями, не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение.

На первый взгляд, возможно проведение параллели со сделкой, предусмотренной в п. 3 ст. 179 ГК РФ: «Сделка на крайне невыгодных условиях, которую лицо было вынуждено совершить вследствие стечения тяжелых обстоятельств, чем другая сторона воспользовалась (кабальная сделка), может быть признана судом недействительной по иску потерпевшего».

Однако, по нашему мнению, институт кабальной сделки может быть применен лишь в том случае, если на момент заключения брачного договора один из супругов был поставлен в крайне неблагоприятное для него положение, что, в принципе, исключает нотариальное удостоверение такого брачного договора. Брачный договор, как правило, заключается на длительный период времени, в течение которого обстоятельства могут кардинально измениться, в том числе и приобрести характер крайне неблагоприятных условий для одного из супругов. Но можно ли это рассматривать как основание недействительности брачного договора, на момент заключения которого ни то, чтобы таких условий, но даже предпосылок к ним не было?

В связи с этим полагаем справедливым предложение разработчиков законопроекта об исключении такого основания недействительности брачного договора и редактировании соответствующих статей СК РФ.

Безусловно, рецензируемый нами законопроект не позволит в полной мере одномоментно решить все проблемы правоприменения. Однако внесение соответствующих изменений в СК РФ и другие законодательные акты будет способствовать совершенствованию механизма правового регулирования имущественных отношений между супругами с точки зрения обеспечения прав и интересов каждого из супругов, общих интересов супругов, а также интересов третьих лиц, в том числе в гражданских правоотношениях.

Библиографические ссылки

1. *Ильина, О. Ю.* Современная российская семья как договор простого товарищества / О. Ю. Ильина // Семейное и жилищное право. № 1. 2019. С. 12–15.